

Марина Владимировна Никифорова

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, armada29@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0635-7065>

Метафорические образы российского лидера в контексте информационно-психологической войны (на материале статей журнала *Foreign Affairs* за 2021 год)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу метафорических образов российского президента В. В. Путина, формируемых на страницах американского журнала «Foreign Affairs» в 2021 году. Цель исследования — выявить наиболее частотные концептуальные метафоры, репрезентирующие российского лидера, и определить их манипулятивный потенциал в свете непрекращающейся информационно-психологической войны. Метафора анализируется в работе с позиций когнитивно-дискурсивного подхода и определяется как способ концептуализации, интерпретации и оценки, а также как прием манипулирования общественным сознанием и, наконец, инструмент дискредитации, в данном случае России и лично президента В. В. Путина. Предпринятый анализ выявил наибольшую частотность метафор, принадлежащих концептуальным сферам «Война», «Диктатура» и «Монархия». С их помощью В. В. Путин позиционируется как военный враг, тиран и самодержец, представляющий опасность не только для России, но и для всего демократического мира. Создается резко отрицательный образ В. В. Путина, что свидетельствует об усиливающемся тренде на демонизацию России и ее лидера в условиях информационно-психологического противоборства, а также о нарастающей политической конфронтации США и России. Манипулятивный потенциал метафоры связан в том числе с ее способностью культивировать существующие и создавать новые социально-политические стереотипы, формировать и укреплять в сознании аудитории тот образ политиков и конкретных стран, который соответствует политическим целям СМИ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, медиадискурс, медиатексты, СМИ, средства массовой информации, язык СМИ, языковые средства, английский язык, американские СМИ, американские журналы, политический дискурс, политические деятели, российские президенты, информационно-психологические войны, когнитивно-дискурсивный подход, манипуляция сознанием, манипулятивное воздействие, массовое сознание, концептуальные метафоры, политическая метафорология, метафорические модели, метафорическое моделирование, политические метафоры, метафорические образы, медиафреймы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Никифорова Марина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка, Уральский государственный экономический университет; 620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62, к. 454; e-mail: armada29@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Никифорова, М. В. Метафорические образы российского лидера в контексте информационно-психологической войны (на материале статей журнала *Foreign Affairs* за 2021 год) / М. В. Никифорова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 4 (94). — С. 70–80.

Marina V. Nikiforova

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia, armada29@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0635-7065>

Metaphorical Images of the Russian Leader in the Context of Information and Psychological Warfare (On the Materials published in *Foreign Affairs* in 2021)

ABSTRACT. The paper analyses the metaphorical images of Russian President Vladimir Putin created in the American magazine “Foreign Affairs” in 2021. The purpose of the study is to identify the most frequent conceptual metaphors representing the Russian leader and to reveal their manipulative potential in the context of the everlasting information and psychological warfare. Metaphor is interpreted in the paper from the viewpoint of the cognitive-discursive approach as a technique for actualization, interpretation and evaluation, as a tool for manipulating public consciousness and, finally, as an instrument for discrediting Russia and its President. The analysis has revealed the highest frequency of the metaphors belonging to the conceptual spheres of “War”, “Dictatorship” and “Monarchy”. With their help, Vladimir Putin is positioned as a military enemy, a tyrant and an autocrat who poses danger not only to Russia, but also to the entire democratic world. All the revealed metaphorical representations project an exclusively negative evaluation of Vladimir Putin in the American media, which indicates an increasing trend towards demonizing the Russian leader and Russia as a whole in the context of information and psychological confrontation, as well as the growing political tension between Russia and the United States. The manipulative potential of metaphor is connected, among other things, with its ability to cultivate the existing and to create new sociopolitical stereotypes, and to form and strengthen in the minds of the audience the image of politicians and specific countries that corresponds to the political goals of the media.

KEYWORDS: *journalism, media linguistics, media discourse, media texts, mass media, mass media language, language means, English language, American mass media, American journals, political discourse, politicians, Russian presidents, information and psychological warfare, cognitive-discursive approach, manipulation of consciousness, manipulative impact, mass consciousness, conceptual metaphors, political metaphorology, metaphorical models, metaphorical modeling, political metaphors, metaphorical images, media frames.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Nikiforova Marina Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Business Foreign Language, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Nikiforova M. V. (2022). Metaphorical Images of the Russian Leader in the Context of Information and Psychological Warfare (On the Materials published in Foreign Affairs in 2021). In Political Linguistics. No 4 (94), pp. 70–80. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире с его войнами, революциями и свержениями режимов, когда метафора «мир раскололся» для многих людей обретает вполне материальные очертания, все более агрессивный и бескомпромиссный характер демонстрирует и информационно-психологическая война (далее ИПВ) — война за умы, сознание, а значит и возможность общественно-политического управления.

Несмотря на то, что контроль и защита собственного информационного пространства как часть информационной государственной политики декларируется в России с конца 2016 г. [Доктрина 2016], российское общество по-прежнему остается весьма уязвимым и инструментарно не готовым противостоять негативному воздействию СМИ.

В свете сказанного все большее значение приобретает комплексное изучение феномена информационно-психологического противоборства с позиций науки о языке [Будаев 2021; Зарипов 2016, 2017, 2020, 2021; Зарипов, Будаев 2020, 2021; Кушнерук 2019; Лингвистика... 2017, 2019, 2020, 2021]. В рамках лингвистического анализа представляется возможным определить ключевые локусы внимания в дискурсивном пространстве СМИ в контексте ИПВ, выявить существующие стратегии, тактики и приемы дискредитации противоборствующих сторон, максимально объективно дешифровать манипулятивные приемы продуцентов медиатекстов как субъектов информационного воздействия, а также продолжить разработку лингвистического инструментария для защиты и противодействия информационному насилию. Несомненная заслуга в развитии лингвистики ИПВ и популяризации ее идей и достижений принадлежит авторскому коллективу ученых во главе с профессором А. П. Сковородниковым, опубликовавшим четыре тома монографии «Лингвистика информационно-психологической войны», а также научному журналу «Политическая лингвистика», в котором регулярно публикуются актуальные исследования по проблематике ИПВ.

Выражая приверженность идеям и положениям лингвистики ИПВ, в качестве отправной точки для дальнейших рассуждений считаем необходимым привести определение термина «информационно-психологическая война», предложенное основоположниками направления, А. П. Сковородниковым и Г. А. Копниной: «...информационно-психологическая война — это противоборство сторон, которое возникает из-за конфликта интересов и/или идеологий и осуществляется путем намеренного, прежде всего языкового, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством использования мер информационно-психологической защиты от такого воздействия» [Лингвистика... 2017: 13]. Позволим себе добавить, что *современная ИПВ — это прежде всего война за сознание нового типа человека — человека информационного*, и ведется она преимущественно через каналы СМИ, цель которых — переформатирование сознания реципиента в интересах субъектов информационного воздействия, «изменение когнитивных и ценностных параметров мировосприятия целевой аудитории» [Лингвистика... 2021: 143]. События последних нескольких месяцев и отражение этих событий в мировых СМИ как нельзя лучше подтверждают данный тезис. Информационные каналы — как внешние, так и внутригосударственные — не просто формируют новостную повестку и задают информационные тренды, которые невозможно (нельзя?) не обсуждать: они направляют и перенаправляют внимание аудитории в нужных авторам (заказчикам) интересах, «безошибочно» определяя правых и виноватых, устанавливая монополию на правду, генерируя в общественном сознании «правильные» образы и ориентиры, задавая нужные оценочные векторы и устанавливая таким образом новые мыслительные и поведенческие шаблоны.

Утверждая доминирование СМИ как канала реализации дискурса ИПВ, мы в то же время ни в коей мере не отрицаем выводы лингвистов, которые убедительно доказы-

вают принадлежность некоторых произведений современной художественной литературы и даже сообщений научного характера дискурсу ИПВ [см.: Бернацкая 2015, Лингвистика... 2017, 2019, 2020, 2021].

Несмотря на относительно юный возраст, лингвистика ИПВ как особое направление политической лингвистики характеризуется уже вполне сложившейся терминосистемой и методологией. Как отмечает С. Л. Кушнерук [Кушнерук 2019; Лингвистика... 2020], на сегодняшний день наблюдаются два основных направления исследований: коммуникативно-прагматическое, предполагающее рассмотрение ИПВ с учетом коммуникативных, прагматических и функциональных факторов, когда в фокусе внимания оказываются стратегии и тактики ведения ИПВ, приемы их речевой актуализации, особенности речевых жанров и т. д., — и когнитивно-дискурсивное, предполагающее акцент на ментальных сторонах информационного противоборства и рассматривающее ИПВ как концептуальную структуру [Кушнерук 2019: 13–17].

Когнитивно-дискурсивное направление исследований ИПВ уделяет особое внимание феномену манипуляции [Лингвистика... 2017, 2019, 2020, 2021], которая представляет собой осознанное воздействие на адресата посредством целенаправленного отбора и использования языковых единиц. Рассмотрение медиатекстов в ракурсе манипулятивного воздействия определяется онтологической связью когнитивных и языковых структур: сама возможность манипуляции смыслами и образами на уровне текстопорождения делает возможной манипуляцию на уровне осознания и оценки, а далее — на уровне картины мира и ценностной системы координат адресата. Как отмечает Р. И. Зарипов, «в результате информационного воздействия фрагмент действительности в сознании реципиента подвергается искажению и уже не соответствует реальному. Происходит подмена понятий, изменение ценностных установок и ориентиров» [Зарипов 2015: 98–99].

Одним из эффективных способов манипуляции в контексте информационно-психологического противоборства специалистами [Будаев 2021; Будаев, Чудинов 2008; Зарипов, Будаев 2020, 2021; Попова, Зарипов 2017, Зарипов 2015, 2016, 2017, 2020, 2021; Лингвистика... 2020, 2021; Солопова, Кушнерук 2021; Чудинов 2012 и др.] признается метафорическое моделирование — эмоционально-образное представление фрагментов социально-политической действительности, отражающее оценочное их вос-

приятие продуцентом/заказчиком медиатекста. Способность метафоры формировать и транслировать положительно и отрицательно маркированные образы действительности делает ее «одним из наиболее сильных средств представления политических концепций и воздействия на политическое сознание общества» [Чудинов 2012: 122].

Метафорическое моделирование как элемент ИПВ (и метод лингвистического анализа) имеет место при создании (реконструкции) образа государства-оппонента [Зарипов 2016; Зарипов, Будаев 2020; Образ России... 2010; Попова, Зарипов 2017; Кошкарлова, Мукушев 2020; Солопова, Кушнерук 2021; Солопова, Будаев, Бойко 2020; Skrynnikova 2021 и др.] и отдельных политических акторов [Барышникова, Дубинина 2021; Образ России... 2010 и др.], а также при описании событий и явлений, приобретающих статус медиатопиков [Зарипов 2017; Зарипов, Будаев 2021 и др.].

Настоящая статья посвящена анализу метафорических образов российского президента В. В. Путина, создаваемого в американской демократической прессе за период с января по декабрь 2021 г. в контексте осуществляющейся против России ИПВ. Цель исследования — выявить наиболее частотные концептуальные метафоры, репрезентирующие российского лидера и его действия во внутривнутриполитическом и в международном политическом пространстве; выявить доминантные и сопутствующие характеристики в реконструируемом образе В. В. Путина; определить ключевые прагматические посылы и манипулятивный потенциал наиболее частотных концептуальных метафор и составляющих их частных метафорических словоупотреблений.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом для анализа послужили интернет-версии аналитических статей, опубликованных в одном из авторитетных журналов по вопросам внешней политики США — *Foreign Affairs* (далее ФА) — с января по декабрь 2021 г. Статьи отбирались через встроенный фильтр-рубрикатор по запросу «Российская Федерация». Всего было проанализировано 25 статей, из которых методом сплошной выборки было отобрано 506 метафорических словоупотреблений, конструирующих образ России. Из них 127 метафорических единиц непосредственно описывают и характеризуют российского президента В. В. Путина.

Определяя данный фрагмент дискурса американских СМИ как реализацию ИПВ, мы

исходим в первую очередь из того, что все отобранные тексты соответствуют основным критериям, позволяющим квалифицировать конкретное сообщение как дискурсивную практику ИПВ [Лингвистика... 2020: 15—17], а именно: 1) наличие в содержании общественно-политической проблематики и 2) исключительно негативный оценочный модус в представлении объекта сообщения — *мишени* в терминах лингвистики ИПВ. В рассматриваемых статьях мишенью ИПВ является образ России как государства-оппонента и его структурные компоненты, в том числе образ действующего президента России В. В. Путина.

Анализ метафорических репрезентаций, конструирующих образ В. В. Путина, осуществляется с позиций когнитивно-дискурсивного подхода с опорой на фундаментальные труды в области теории метафорического моделирования [Будаев, Чудинов 2008; Чудинов 2012; Lakoff, Johnson 2003 и др.]. Метафора в свете когнитивно-дискурсивного анализа понимается широко, т. е. в качестве метафоры мы рассматриваем любые выражения, употребленные в прямом значении.

В качестве дополнительных методов исследования в работе применяется контекстуальный анализ и элементы статистической обработки данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ контекстов выявил наибольшую частотность метафорических словоупотреблений, соотносимых с такими концептуальными сферами, как «ВОЙНА», «ДИКТАТУРА», «МОНАРХИЯ», «ИГРА, СПОРТ», «ТЕАТР» и «КРИМИНАЛЬНЫЙ МИР».

Концептуальная сфера «Война» (26 %)

Неизменная востребованность военной метафоры при конструировании образа российского президента и в целом образа России в западной прессе представляется абсолютно закономерной. Мощная объяснительная сила метафоры и ее отрицательная коннотативная нагруженность позволяют журналистам формировать понятные и «легко усваиваемые» аналогии: Россия / российский президент — враг, а с врагом нужно бороться. Таким образом, метафоры войны не только интерпретируют действительность в интересах продуцента/заказчика медиатекста, но и программируют аудиторию на «правильные» выводы и поведение.

Анализ текстового материала свидетельствует о том, что значительная часть военных метафор используется в контекстах, посвященных описанию российско-американских отношений. Авторами ФА ак-

центируется воинственное поведение российского президента, которое правительство Дж. Байдена должно сдерживать, осуждать и наказывать (...*contain, deter, and punish President Vladimir Putin when necessary; Any plan for containing Russia must start with a strategy for deterring Putin's belligerent behavior*). Именно В. В. Путин «назначается» ответственным в существующей и, возможно, последующей конфронтации с США. Ср.: *Biden is right to test whether Putin might embrace a more stable, predictable relationship with the United States. Should the Russian president opt instead to continue invading countries, mounting hacking and disinformation campaigns, and arresting innocent Russians and Americans, it will be clear that he, not Biden, is responsible for confrontation with the United States*. В приведенном примере обращает на себя внимание манипулятивный потенциал тезисно-аргументативной организации высказывания: выводу (а по сути тезису) предшествует целый ряд аргументов-обвинений — в захвате стран, организации хакерских и дезинформационных кампаний, аресте невинных россиян и американцев. Концентрация резко отрицательных оценочных единиц в описании действий, приписываемых российскому президенту, в сочетании с метафорой противостояния позволяет авторам ФА не только «назначить» В. В. Путина ответственным за невозможность стабильных и предсказуемых отношений с США, но и в целом аксиологически противопоставить лидеров двух стран.

Посредством военных метафор описывается и внешняя политика В. В. Путина в Европе. Например, утверждается, что российский лидер использует страны бывшей Югославии в качестве поля боя для ослабления НАТО и Евросоюза (*Now Russian President Vladimir Putin is seizing his opportunity and using the former Yugoslav states as the next battlefield to weaken NATO and the European Union*), дестабилизирует соседние государства и даже США (*Putin has not shied away from destabilizing Russia's neighbors or even the United States*), изменяет региональный баланс власти с помощью силы (...*he will not be deterred from changing the regional balance of power through force*), расширяет тлеющий конфликт на Украине (*Putin's choice to expand a simmering conflict will not be impulsive*).

Таким образом, как можно видеть из представленных примеров, в анализируемых статьях не только транслируются привычные, закреплённые за военной метафорикой прагматические смыслы угрозы, стра-

ха, нестабильности, но и рисуется образ врага глобального масштаба — врага для всего западного мира и его демократических ценностей. Образ общего врага становится своего рода условием для консолидации американцев и европейцев в их противостоянии с Россией и лично В. В. Путиным, а также аргументом, позволяющим оправдать любые действия в отношении России в будущем.

Добавим, что рассматриваемые тексты, помимо военных метафор, изобилуют военной терминологией (*troops, missile, artillery* и др.) и оценочными (оценочно-дескриптивными) единицами, употребляемыми в прямом значении (*military aggression, military offensive, invasion* и др.). Последнее является еще одним аргументом в пользу утверждения, что отобранные для анализа статьи представляют собой фрагмент дискурса ИПВ. Как отмечают в своем исследовании А. В. Колмогорова и Ю. А. Горностаева, лексика военной сферы используется в СМИ для «усиления манипулятивного эффекта, для создания устрашающего образа оппонента» [Лингвистика... 2020: 81]. Авторы рассматривают лексические единицы военной сферы как вербальные маркеры манипуляции и отмечают, что их высокая плотность в текстах СМИ является признаком поляризованного дискурса.

Применительно к рассматриваемым материалам отметим, что оценочные (оценочно-дескриптивные) единицы лексико-семантического поля «война» особенно частотны в рамках нарратива о геополитической ситуации на Украине. Ср.: *The buildup of an estimated 90,000 troops along the Russian-Ukrainian border has led to fears of a coming Russian military assault on Ukraine*. Не вызывает сомнения, что оценочная семантика высказывания, создаваемая применением военной терминологии (*buildup, troops*), коллокации с яркой отрицательной коннотацией (*military assault*) и числового значения применительно к военной мощи России (*90,000*), — обладает манипулятивным потенциалом и способствует закреплению в сознании аудитории образа врага.

В свете сказанного можно утверждать, что формирование образа военного врага в лице В. В. Путина и в целом России в рассматриваемых аналитических статьях выходит далеко за рамки метафорического моделирования. Представляется, что в данном случае правильнее говорить о применении различных языковых средств, в том числе метафорических словоупотреблений, тематической и стилистически окрашенной лексики для актуализации в дискурсивном про-

странстве СМИ фрейма «война», где фрейм (медиафрейм) есть готовая структура представления знания, «результат процесса отбора нескольких аспектов воспринимаемой действительности и их акцентирования в смежных контекстах, посредством чего достигается подробное проблемное описание, интерпретация, нравственная оценка и/или рекомендуемая трактовка сообщения» [Entman 1993: 52]. Не останавливаясь подробно на проблеме интерпретации фрейма (медиафрейма), отметим лишь, что рассматриваемое в контексте ИПВ фреймирование дискурса СМИ представляется весьма эффективным манипулятивным приемом: особая организация текста с выдвиганием на первый план готовых когнитивных схем и структур есть не что иное, как сознательное манипулирование информацией посредством слова; конечная цель последнего — формирование общественного мнения и расстановка аксиологических акцентов относительно происходящих социально-политических событий.

Концептуальная сфера «Диктатура» (17 %)

Образ военного врага подкрепляется представлением о российском президенте как о диктаторе, обладающем неограниченной властью и установившем в России тоталитарный/автократический режим. Оговоримся, что в данном случае вновь целесообразнее применять понятие фрейма (медиафрейма), нежели метафорической модели, поскольку образ Путина-диктатора формируется как единицами, употребляемые в прямом значении, так и собственно метафорами, в основе которых лежит представление о грубой силе, узурпации власти и отсутствии демократических свобод. Многочисленные исследования [Барышникова, Дубинина 2021; Зарипов 2020; Образ России... 2010 и др.] демонстрируют, что номинации В. В. Путина диктатором, а России диктатурой и тоталитарным/авторитарным государством настолько частотны и регулярны в западных СМИ, что приобрели статус «дискурсивной привычки» [Солопова 2021: 64]. Так, например, идеологема *regime* (*Putin's regime*) в анализируемых материалах встречается 54 раза — как самостоятельно, так и в сочетании с атрибутами *autocratic, authoritarian* и *personalistic*, усиливающими ее отрицательную маркированность.

Эффективность манипулятивного воздействия достигается также за счет детального и методичного прорисовывания образа диктатора, т. е. помимо интенсивного использования аксиологически маркированных идеологем в отношении В. В. Путина, авторы

ФА акцентируют различные проявления диктатуры как формы управления государством. Так, например, акцентируется отсутствие независимого судопроизводства в России, а также подрыв независимости органов местного самоуправления. Ср.: *In particular, they bolstered the president's control over the courts and prosecutors, undermined the independence of local government, and gave the president more direct control over the "government"* (the prime minister and other government ministers). В другом фрагменте авторы ФА противопоставляют автократа В. В. Путина американскому президенту-демократу Дж. Байдену и акцентируют политические репрессии в России, апеллируя к резонансным делам А. Навального и С. Тихановской и «сотням менее известных политических заключенных». Ср.: *Biden must provide a counterweight to Putin's promotion of autocracy. He should continue to speak publicly in support of all those fighting for democracy across the region, from Alexei Navalny in Russia to Svetlana Tikhonovskaya in Belarus to the hundreds of lesser-known political prisoners in both countries.* Кроме того, как одно из проявлений диктатуры отмечается отсутствие в России демократических выборов. Ср.: *The popular vote in favor of a new constitution was designed to legitimize Putin's hold on power—thus giving him a trump card to play against opponents who object to his autocratic rule. At one level, this is standard behavior from electoral authoritarian regimes—claiming a mandate from the masses even though the procedures are fraudulent.* Представление о режиме (*Putin's hold on power, his autocratic rule, electoral authoritarian regimes*) поддерживается в данном контексте криминальной метафорой, а именно образом карточного игрока (*giving him a trump card to play against opponents*), использующего мошеннические схемы (*the procedures are fraudulent*).

Стремление В. В. Путина укрепить, усилить собственную власть многократно артикулируется посредством лексем и коллокаций с соответствующей семантикой: *strengthen his hand, strengthened his grip at home, his iron political grip* и др.

Идея грубой силы и неограниченной власти передается также с помощью образов руки. Так, одна из статей носит название *The Long Arm of the Strongman*. Метафора, вынесенная в заголовок и характеризующая сразу двух политиков — российского президента В. В. Путина и китайского лидера Си Цзиньпина, о чем сообщается в лиде статьи (*How China and Russia Use Sharp Power to Threaten Democracies*), — являет собой гиперболи-

зированный и даже гипертрофированный образ власти, которая маркируется как угроза демократическим странам, главным образом США и Европе как образцам развитой демократии.

Показательно в то же время, что демонизация В. В. Путина в рассматриваемых статьях сопряжена с регулярными указаниями на хрупкость и нестабильность его режима. Ср.: *In the meantime, Putinism at home is beginning to look brittle; The regime is far from monolithic; Of course, 2020 did not go quite the way Putin wanted. Massive demonstrations in Belarus, a neighbor and one of Russia's closest allies, showed the fragility of personalistic authoritarian regimes in the region.*

Итак, с точки зрения манипулятивного потенциала, закрепленного за образом лидера-автократа, для аудитории легко выстраивается целая цепочка простых и понятных прагматических посылов: В. В. Путин — жестокий властный диктатор, представляющий угрозу не только для своей страны, но и для США и стран-союзников. В то же время сам режим рисуется весьма уязвимым, а следовательно ему можно и нужно противостоять.

Концептуальная сфера «Монархия» (20 %)

С концептом абсолютной власти сопряжена монархическая метафора, традиционная для западной риторики в описании президента России [Зарипов 2021; Попова, Зарипов 2017; Солопова 2021; Чудинов 2012 и др.]. Ассоциативное развертывание метафоры происходит через обращение к традиционному набору элементов, характеризующих монархию как форму правления. Так, В. В. Путин изображается руководителем с бессрочным периодом правления (*Putin could remain in power until the end of his days*), у которого может быть / есть преемник (*designate a successor; loyal successor*) и который, как любой монарх, может быть свергнут (*Putin could ... fall unexpectedly*). Выборы в России именуются «периодическими и несправедливыми коронациями» (*periodic and unfair electoral coronations*), а увеличение президентского срока В. В. Путина до шести лет связывается со страхом элит перед «потенциально опасным кризисом наследования» (*They were dreading a potentially treacherous succession crisis*).

Монархическая метафора в рассматриваемых материалах актуализируется также посредством прецедентных имен. Ср.: *The annexation of Crimea in 2014 was a central event marking Putin's exalted status as the "gatherer of Russian lands" and a special leader; In principle, the new rules allow Putin to stay in power until 2036, which would make him*

the longest-serving Russian ruler since Peter the Great. Прецедентное имя «собиратель земель русских», отсылающее читателя к образу Московского князя Ивана III, активно объединявшего в период своего правления русские земли вокруг Москвы, придает высказыванию обвинительно-саркастическую тональность, поскольку звучит в контексте сообщения об аннексии Крыма. Во втором примере указание на продолжительный период правления В. В. Путина и параллель с Петром Великим призваны, на наш взгляд, акцентировать «откат России в историческое прошлое» [Зарипов 2021: 65], поскольку для американского общества сменяемость власти является одной из гарантий демократии (согласно американской Конституции, никто не может быть избран на пост президента более чем дважды).

Саркастической тональностью характеризуется также фрагмент, в котором указывается на наличие у В. В. Путина преторианской гвардии. Ср.: *He has reliable control over the state's coercive authorities, including the secret police and Rosgvardiya, the praetorian guard force created in 2016 that controls the fearsome riot police.* Прецедентное имя, исторически обозначавшее личную охрану римских императоров, в данном контексте высмеивает уязвимость президента в его стремлении увеличить количество органов надзора и контроля.

В другом фрагменте авторы цинично акцентируют падение популярности В. В. Путина. Ср.: *Over the last few years, however, Putin has been "desacralized," as Russian analysts like to put it.* Оценка выражается через семантику предиката — лексической единицы высокого регистра *десакрализован*, акцентирующей идею развенчания образа Путина как святого.

Обращает на себя внимание использование антропонима Путин в притяжательном падеже с топонимом Россия — *Putin's Russia* — словопотребление, также подчеркивающее монархическую форму правления (по аналогии, например, с Петровской или Николаевской Россией).

К концептуальной сфере «Монархия» мы также относим метафорические словопотребления, выстраивающие образ правителя с «великодержавными амбициями». Так, авторы ФА активно постулируют мысль о том, что политический бренд В. В. Путина основан на стремлении восстановить Россию в статусе великой державы (*whose political brand rests on his bid to restore Russia to great-power status*), возродить Россию в качестве морской державы (*Putin has been working to resurrect Russian maritime pow-*

er since he entered the Kremlin two decades ago), построить независимую великую державу, которая бы доминировала в соседствующем окружении (*Putin sought to build an independent great power, one that could engage with the West on its own terms and dominate its immediate neighborhood*). По мнению ФА, в традициях российских и советских лидеров В. В. Путин видит свою миссию в том, чтобы вернуть российские территории (*Putin sees himself in the tradition of Russian and Soviet leaders who believed it was their mission to "gather in the lands": to recoup Russian territory*) и изменить архитектуру безопасности Европы в ущерб Западу (*Putin also hopes ultimately to rearrange Europe's security architecture to the detriment of the West*). Как можно видеть из приведенных контекстов, монархическая метафорика в данном случае пересекается с метафорами сферы «Строительство», вербализованными посредством глагольных лексем со значением создания, восстановления, переустройства.

Характеризуя монархические метафоры в целом, отметим, что они в большей степени транслируют исторически сложившиеся стереотипные представления о России и ее правителях и, несомненно, получают негативное наполнение. В то же время, как отмечает Р. И. Зарипов, метафоры «сами обладают значительным стереотипогенным потенциалом» [Зарипов 2021: 708], а следовательно способствуют формированию и закреплению предлагаемых СМИ аналогий в сознании аудитории. В этой связи важно отметить следующее. Ассоциативно-семантические образы, заключенные в монархической метафорике, реализуют в первую очередь не интерпретационную, а оценочную функцию и призваны порождать в коллективном сознании демократически ориентированной аудитории отрицательное представление о российском лидере как антиподе демократии — основополагающей ценности западного мира. В то же время образы-ассоциаты — абсолютная власть, тирания, отсутствие свобод и др. — постепенно сами подвергаются стереотипизации, т. е. укореняются в коллективном сознании как самостоятельные этнокультурные стереотипы с собственным интерпретационным полем и оценочным вектором.

Концептуальная сфера «Театр» (6 %)

Следующая метафора, характеризующая российского лидера и получившая применение в текстах ФА 2021 г., — театральная. В. В. Путин представляется актером, который драматично появляется (*Putin dramatically showed up in person*), играет роль (*With Biden, Putin will play the role of a*

statesman) или почти покидает сцену (*Putin was preparing to half exit the stage*). Вместе с другими лидерами он работает за кулисами (*Russian and Israeli leaders tout their close people-to-people ties while working behind the scenes*), предотвращает неудачный для себя сценарий (*Putin himself has suggested, that the real point of the amendments was to prevent a lame-duck scenario*), создает марионеточное государство из регионов Украины (*establishing a puppet state called Novorossiia in Ukraine's eight eastern regions*).

Представляя В. В. Путина в образе актера, исполнителя роли, авторы ФА также используют прецедентные тексты. Ср.: *Nevertheless, Putin has had many opportunities to step away from power, and he keeps hanging on. He is the anti-Godot of Russian politics: other actors constantly talk about when and whether he will leave, but at the end of each act he remains at center stage*. В данном фрагменте обыгрывается прецедентный текст — название пьесы Сэмюэля Беккета «В ожидании Годо» (1949 г.), в которой два центральных персонажа постоянно говорят о приходе некоего мсье Годо, но последний так и не появляется. Авторы ФА саркастически называют В. В. Путина анти-Годо российской политики, который, вопреки ожиданиям и разговорам, в конце каждого акта остается на сцене.

Как можно видеть из приведенных контекстов, театральные метафоры продолжают создавать резко негативный образ российского президента, имплицитно такие его качества, как неискренность, хитрость, склонность к манипуляциям, из чего складывается очевидный и понятный посыл: доверять российскому лидеру нельзя и, напротив, любые ответные действия США и союзников в его отношении могут и должны быть оправданы.

Концептуальная сфера «Игра, спорт» (11 %)

Метафорические репрезентации, относящиеся к сфере-источнику «Игра, спорт», в рассматриваемых материалах проецируют главным образом оценочное представление о деятельности В. В. Путина на международной арене. Так, российский президент объединяется в команду с китайским лидером Си Цзиньпином, чтобы пропагандировать авторитарную модель управления (*Under Xi and Putin, China and Russia have teamed up to counter liberal norms in international bodies and propagate a brand of governance based on autocratic rule and state control of information platforms*), играет в игру по вбиванию клингов между США и ее союзни-

ками (*The game of driving wedges between the United States and its European allies, which Putin enjoyed playing in the Trump era*). В. В. Путин участвует в саммите, на который, подобно тому, как это происходит на конных скачках, делаются высокие ставки (*Expectations for the Putin-Biden summit are rightly low. The stakes, however, are high*), и играет во власть, что представляет собой угрозу для Европы (*Putin's Power Play Threatens Europe*).

Спортивно-игровая метафора используется также для «достраивания» образа авторитарного лидера. Так, В. В. Путин постоянно переписывает правила игры в свою пользу (*continually remaking the rules of the game for his own benefit*), играет на русском национализме, укрепляя свою власть (*Putin has long strengthened his grip at home by playing to Russian nationalism*), выступает арбитром между элитами и избегает проведения реформ, способных подорвать режим (*Russia's present-day leadership ... has studiously avoided the kinds of systemic reforms that might undermine the regime's foundation, its ability to arbitrate among elites, or its capacity to manage change*).

В целом характеризуя метафоры сферы «Игра, спорт», отметим, что некоторые из обнаруженных метафорических единиц являются оценочно-нейтральными (*China and Russia have teamed up to, Putin and his team, Putin's rules of the game* и др.). Однако контекстуальный анализ текстовых фрагментов, содержащих метафорические единицы данного разряда метафор, выявляет их исключительно отрицательный вектор оценки.

Концептуальная сфера «Криминальный мир» (5 %)

Метафорические репрезентации со сферой-источником «Криминальный мир» обладают устойчивой отрицательно-оценочной семантикой, а потому вполне традиционны для западных СМИ в изображении российских политиков [Зарипов 2021; Образ России... 2010; Солопова 2021; Чудинов 2012 и др.]. В анализируемых статьях криминальные метафоры близки с точки зрения прагматического потенциала спортивно-игровым метафорам и используются для описания внешнеполитической деятельности В. В. Путина, а именно его противоправных, по мнению американских СМИ, действий, и для поддержания и укрепления в сознании аудитории образа Путина-автократа.

Посредством криминальных метафор В. В. Путин позиционируется как руководитель, использующий нечестные и грубые методы достижения политических целей. Особенно отчетливо данный посыл артику-

лируется в нарративе, посвященном таким медиатопикам, как «Кибератаки России», «Северный поток — 2» и «А. Навальный». Так, ситуация вокруг газовой трубы «Северный поток — 2» представляется как стремление В. В. Путина «подсадить Европу на российский газ» (*They see the pipeline as part of Russian President Vladimir Putin's drive to hook Europe on Russian gas*), а характеризуя действия В. В. Путина в отношении оппозиционного политика А. Навального, авторы ФА используют глагол *coax* (*уговаривать, задабривать, умасливать*), содержащий оценочную сему и позволяющий, таким образом, репрезентировать в высказывании нормативно-этическую оценку. Ср.: *Vladimir Putin will try to coax the United States and European governments into helping him neutralize his most problematic critic*. В этом же высказывании обращает на себя внимание глагол *neutralize*, несущий семантику физического устранения, уничтожения и, будучи погруженным в данный контекст, обретающий дополнительные пейоративные коннотации.

Криминальные метафоры, участвующие в достраивании образа диктатора, характеризуются слабой имплицитностью. Ср.: *Putin, though, decided he was secure enough to solve his problem the quick and dirty way; After two months of furious speculation, Putin opted for the crudest option for solving the 2024 problem*. В приведенных текстовых фрагментах оценка выражается достаточно явно — посредством атрибутивов и коллокаций, содержащих в своей семантике отрицательно-оценочные семы и актуализирующих представление о нечестных, грубых методах политика — *quick and dirty way* (*быстрый и грязный способ*), *furious speculation* (*яростные спекуляции*), *crudest option* (*самый грубый вариант*).

Наименьшую частотность в рассматриваемых материалах демонстрируют метафорические единицы, относящиеся к концептуальным сферам «Механизм» (4 %), «Болезнь» (4 %), «Путь» (3 %), «Мир живой природы» (2 %) «Образование» (1 %). Тем не менее, даже обладая низкой частотностью, все выявленные метафорические словоупотребления работают на создание резко негативного образа российского лидера. Так, например, посредством механистической метафоры «капитальный ремонт Конституции» авторы ФА реализуют такой популистский прием, как акцентирование непреодолимых противоречий между властью и народом. Ср.: *Putin's constitutional overhaul, a balm for the elite but a bust for the average citizen, is most of all a blow to the*

resilience of the Russian state. В приведенном фрагменте механистическая метафора *constitutional overhaul* (*капитальный ремонт, переборка Конституции*) получает смысловое развитие: авторы ФА называют конституционную реформу ударом по устойчивости Российского государства (*a blow to the resilience*), акцентируя хрупкость, неустойчивость России в связи с действиями президента, а посредством контекстуальных антонимов — *a balm for the elite but a bust for the average citizen* (*бальзам для элиты, но провал для среднестатистического гражданина*) — обыгрывается разница интересов властного меньшинства и простого населения России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятый анализ метафорических словоупотреблений, участвующих в формировании американскими СМИ 2021 года образа российского президента В. В. Путина, позволяет сделать следующие выводы.

1. Наибольшую частотность в формировании образа В. В. Путина демонстрируют метафоры, принадлежащие концептуальным сферам «Война», «Диктатура» и «Монархия». С их помощью В. В. Путин позиционируется как военный враг, диктатор, тиран и самодержец, представляющий опасность не только для своей страны, но и для всего демократического мира. Образ В. В. Путина маркируется как антипод основополагающей ценности западного мира — демократии, что создает основу для консолидации США и Европы в противостоянии с Россией, а также позволяет заранее оправдать любые противоправные действия в отношении России в будущем.

2. Образы военного врага и жестокого диктатора как ядерные, доминантные смыслы, формирующие представление о российском президенте, детерминируют все сопутствующие приписываемые ему характеристики: неискренность, склонность к политическим манипуляциям, использование нечестных методов осуществления политической деятельности и т. п. Обозначенные деструктивные смыслы транслируются посредством театральной, спортивно-игровой и криминальной метафор.

3. Функциональный потенциал театральной, спортивно-игровой и криминальной метафор, помимо реализации закрепленных за ними традиционных прагматических посылов, направлен на «достраивание» образа врага и диктатора. Отрицательная коннотативная нагруженность и интерпретационный потенциал обозначенных метафор позволяют сделать образ врага и диктатора еще бо-

лее объемным и отчетливым, что способствует дальнейшей его стереотипизации и закреплению в сознании аудитории.

4. Манипулятивный потенциал метафоры в СМИ связан с ее способностью выступать в качестве средства выражения категории оценки, которая, в свою очередь, обусловлена национальной картиной мира продуцента/заказчика медиатекста, его ценностными установками и идеологическими приоритетами. В рассматриваемых текстах метафора не столько интерпретирует социально-политическую действительность, сколько расставляет аксиологические акценты, позитивно оценивая «своих» и дискредитируя «чужих».

5. Манипулятивный потенциал метафоры в контексте ИПВ также связан с ее способностью культивировать существующие и создавать новые социально-политические стереотипы. Посредством метафор американские СМИ формируют и укрепляют в сознании аудитории тот образ России и российского лидера, который соответствует их политическим целям и ожиданиям, моделируя таким образом «правильное» восприятие аудиторией объективной реальности и провоцируя «нужную» реакцию на текущие события.

6. Контекстуальный анализ выявил исключительно отрицательную оценочность текстовых фрагментов, содержащих метафорические единицы, характеризующие российского президента В. В. Путина, то есть 100 % отобранных контекстов направлены на создание пейоративного образа российского лидера. Полученные результаты свидетельствуют об усиливающемся тренде на демонизацию В. В. Путина и в целом России в условиях непрекращающейся ИПВ, а также о нарастающей политической конфронтации США и России в свете происходящих социально-политических событий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Барышникова, Г. В. Метафорическое создание политического образа руководителя России в западных СМИ (на материале англо-американской и французской прессы) / Г. В. Барышникова, И. И. Дубинина. — Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — № 4 (137). — С. 179—185.
2. Бернацкая, А. А. Художественный текст как пространство информационно-психологической войны (на материале романа/повести А. А. Зиновьева «Катастрофка») / А. А. Бернацкая. — Текст : непосредственный // Экология языка и коммуникативная практика. — 2015. — № 2. — С. 197—223.
3. Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации : моногр. / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2008. — 248 с. — Текст : непосредственный.
4. Будаев, Э. В. Метафорический образ будущего России в зарубежных СМИ / Э. В. Будаев, О. А. Солопова, Р. И. Зарипов, А. В. Бойко. — Санкт-Петербург : Научное издание, 2021. — 217 с. — Текст : непосредственный.

5. Доктрина 2016 : Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Президент России [Официальный сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 3.07.2019). — Текст : электронный.
6. Зарипов, Р. И. Метафорическое манипулятивное воздействие как элемент информационной войны / Р. И. Зарипов. — Текст : непосредственный // Вопросы психолингвистики. — 2015. — № 23. — С. 95—106.
7. Зарипов, Р. И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе : моногр. / Р. И. Зарипов. — Москва : Р. Валент, 2016. — 220 с. — Текст : непосредственный.
8. Зарипов, Р. И. Метафорические образы России во французском политическом дискурсе в контексте войны в Сирии / Р. И. Зарипов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2017. — № 6. — С. 76—85.
9. Зарипов, Р. И. Метафорические образы настоящего и будущего России во французских СМИ: внешнеполитические аспекты / Р. И. Зарипов, Э. В. Будаев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 42—52. — <https://doi.org/10.26170/pl20-06-05>.
10. Зарипов, Р. И. Метафорический образ будущего России в контексте конституционной реформы 2020 года (на материале СМИ Франции) / Р. И. Зарипов, Э. В. Будаев. — Текст : непосредственный // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 57—68.
11. Кошкарлова, Н. Н. Образ России в китайских СМИ / Н. Н. Кошкарлова, И. О. Мукушев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2021. — № 3. — С. 87—100. — https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_03_08.
12. Кушнерук, С. Л. Траектории исследования информационно-психологической войны в российской лингвистике / С. Л. Кушнерук. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6. — С. 12—22. — <https://doi.org/10.26170/pl19-06-01>.
13. Лингвистика информационно-психологической войны : коллективная монография. Книга I / под ред. проф. А. П. Сквородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. — 280 с. — Текст : непосредственный.
14. Лингвистика информационно-психологической войны : моногр. Кн. II / А. А. Бернацкая, Л. А. Гаврилов, В. А. Жилина [и др.] ; под ред. проф. А. П. Сквородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. — 488 с. — Текст : непосредственный.
15. Лингвистика информационно-психологической войны : моногр. Кн. III / А. А. Бернацкая, Ю. А. Горностаева, И. В. Евсеева [и др.] ; под ред. проф. А. П. Сквородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2020. — 344 с. — Текст : непосредственный.
16. Лингвистика информационно-психологической войны : моногр. Кн. IV / И. В. Башкова, Е. М. Боровой, Л. А. Гаврилов [и др.] ; под ред. проф. А. П. Сквородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2021. — 340 с. — Текст : непосредственный.
17. Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры : материалы Междунар. науч. конф. (13—17 сент. 2010 г., Екатеринбург). — [Б. м. : б. и.], 2010. — 238 с. — Текст : непосредственный.
18. Попова, Т. Г. Особенности метафорической репрезентации образа России в западных СМИ / Т. Г. Попова, Р. И. Зарипов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2017. — № 5. — С. 125—129.
19. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — 4-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2012. — 256 с. — Текст : непосредственный.
20. Entman, R. M. Framing: toward clarification of a fractured paradigm / R. M. Entman. — Text : unmediated // Journ. of Communication. — 1993. — No 43 (4). — P. 51—58.
21. Foreign Affairs: Weekly Newsletter. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/>.
22. Lakoff, G. Metaphors we Live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press, 2003. — 256 p. — Text : unmediated.
23. Skrynnikova, I. V. Constructing the image of Russia through metaphorical framing / I. V. Skrynnikova. — Text : un-

mediated // *Logos et Praxis*. — 2021. — Vol. 20, no. 1. — P. 49–57.

24. Solopova, O. A. War yesterday and today: the image of Russia in British media discourse / Olga A. Solopova, Svetlana L. Kushneruk. — Text : unmediated // *Russian Journal of Linguistics*. — 2021. — Vol. 25, no. 3. — P. 723–745.

REFERENCES

1. Baryshnikova, G. V., & Dubinina, I. I. (2019). Metaphoric creation of the Russian political leader in the Western media (based on the material taken from Anglo-American and French press) [Metaforicheskoe sozdanie politicheskogo obraza rukovoditelya Rossii v zapadnykh SMI (na materiale anglo-amerikanskoy i francuzskoy pressy)]. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 4(137), 179–185. (In Russ.)

2. Bernatskaya, A. A. (2015). Khudozhestvennyy tekst kak prost-ranstvo informatsionno-psikhologicheskoy voyny (na materiale romana/povesti A. A. Zinov'eva «Katastryka»). *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 2, 197–223. (In Russ.)

3. Budaev, E. V. & Chudinov, A. P. (2008). *Metaphor in political communication* [Monograph]. Moscow: Flinta: Nauka, 248 p. (In Russ.)

4. Budaev, E. V., Solopova, O. A., Zaripov, R. I., & Boyko, A. V. (2021). *Metaforicheskiy obraz budushchego Rossii v zarubezhnykh SMI* [A metaphorical image of the future of Russia in foreign media]. Saint Petersburg: Nauko-emkie tekhnologii, 217 p. (In Russ.)

5. President of the Russian Federation (2016). *Doctrine 2016: Decree of the President of the Russian Federation dated 05.12.2016 No. 646 "On the approval of the Doctrine of information Security of the Russian Federation"*. President of Russia [Official website]. Retrieved June 1, 2022, from <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (In Russ.)

6. Zaripov, R. I. (2015). Metaforicheskoe-manipulyativnoe-vozdeystvie-kak-element-informatsionnoy-voyny [Manipulation impact through metaphors as an element of information warfare]. *Journal of Psycholinguistics*, 23, 95–106. (In Russ.)

7. Zaripov, R. I. (2016). *Metaforicheskoe modelirovanie obraza Rossii v sovremennom francuzskom politicheskom diskurse* [Monograph]. Moscow: R. Valent, 220 p. (In Russ.)

8. Zaripov, R. I. (2017). Metaforicheskie obrazy Rossii vo frantsuzskom politicheskom diskurse v kontekste voyny v Sirii [Russia's metaphorical images in French political discourse in the context of the war in Syria]. *Political Linguistics*, 6, 76–85. (In Russ.)

9. Zaripov, R. I., & Budaev, E. V. (2020). Metaforicheskie obrazy nastoyashchego i budushchego Rossii vo frantsuzskikh SMI: vneshnepoliticheskie aspekty [Metaphorical Images of Russia's Present and Future in French Mass Media: Foreign Policy Aspects]. *Political Linguistics*, 6(84), 42–52. DOI: 10.26170/pl20-06-05 (In Russ.)

10. Zaripov, R. I., & Budaev, E. V. (2021). Metaforicheskiy obraz budushchego Rossii v kontekste konstitutsionnoy reformy 2020 goda (na materiale SMI Frantsii) [Metaphorical image of the

future of Russia in the context of the constitutional reform of 2020 (based on the French media)]. *Nauchnyy dialog*, 3, 57–68. (In Russ.)

11. Koshkarova, N. N., & Mukushev, I. O. (2021). Obraz Rossii v kitayskikh SMI [Russia's Image in Chinese Mass-Media]. *Political Linguistics*, 3(87), 87–100. DOI: 10.26170/1999-2629_2021_03_08 (In Russ.)

12. Kushneruk, S. L. (2019). Traektorii issledovaniya informatsionno-psikhologicheskoy voyny v rossiyskoy lingvistike [Trajectories of Information and Psychological War Research in Russian Linguistics]. *Political Linguistics*, 6(78), 12–22. DOI: 10.26170/pl19-06-01 (In Russ.)

13. Skovorodnikov, A. P. (Ed.) (2017). *Linguistics of the Information and Psychological War: monograph. Part 1* [Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : monogr. Kn. 1]. Krasnoyarsk: Sib. Feder. Univ., 340 p. (In Russ.)

14. Bernatskaya, A. A., Gavrilov L. A., & Zhilina, V. A. (2019). *Linguistics of the Information and Psychological War: monograph. Part 2* [Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: monogr. Kn. 2]. Krasnoyarsk: Sib. Feder. Univ., 488 p. (In Russ.)

15. Bernatskaya, A. A., Gornostaeva, Yu. A., & Evseeva, I. V. (2020). *Linguistics of the Information and Psychological War: monograph. Part 3* [Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: monogr. Kn. 3]. Krasnoyarsk: Sib. Feder. Univ., 344 p. (In Russ.)

16. Bashkova, I. V., Borovoj, E. M., & Gavrilov, L. A. (2021). *Linguistics of the Information and Psychological War: monograph. Part 4* [Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: monogr. Kn. 4]. Krasnoyarsk: Sib. Feder. Univ., 340 p. (In Russ.)

17. *Obraz Rossii v zarubezhnom politicheskom diskurse: stereotipy, mify i metafory* [The image of Russia in foreign political discourse: stereotypes, myths and metaphors] (2010). Materials of the Intern. scientific conf. (September 13-17, 2010, Ekaterinburg). (In Russ.)

18. Popova, T. G., & Zaripov, R. I. (2017). Osobennosti metaforicheskoy reprezentatsii obraza Rossii v zapadnykh SMI [Metaphorical representation of Russia's image in western media]. *Political Linguistics*, 5, 125–129. (In Russ.)

19. Chudinov, A. P. (2012). *Political linguistics*. Moscow: Flinta : Nauka, 256 p. (In Russ.)

20. Entman, R. M. (1993). Framing: toward clarification of a fractured paradigm. *Journ. of Communication*, 43(4), 51–58.

21. Foreign Affairs: Weekly Newsletter. Retrieved from <https://www.foreignaffairs.com/>

22. Lakoff, G. & Johnson, M. (2003). *Metaphors we Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 256 p.

23. Skrynnikova, I. V. (2021). Constructing the image of Russia through metaphorical framing. *Logos et Praxis*, 20(1), 49–57.

24. Solopova, Olga A., & Kushneruk, Svetlana L. (2021). War yesterday and today: the image of Russia in British media discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 25(3), 723–745.